

ВИЧАУЧНАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-1-16>

УДК 343.1

Attribution
cc by

САНКЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ООН И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВ: ПРАВОВЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Озимок Д.В.

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению санкционных механизмов ООН и связанные с ними правовые и политические сложности, возникающие вследствие их воздействия на суверенитет государств и постепенного стирания различий между многосторонними и односторонними мерами. Отмечается, что усложнение санкционной практики, её заметная политизация и несоответствие между сформулированными целями и фактическими результатами делают исследование этой темы по-прежнему востребованным. В работе использованы официальные документы и санкционные списки ООН, резолюции Совета Безопасности, отчёты мониторинговых групп, а также данные сравнительного и институционального анализа. Автором были рассмотрены правовые и политические аспекты применения санкций ООН, их влияние на суверенитет государств, и реальная практика функционирования санкционных режимов. Анализ показал, что среди наиболее заметных проблем остаются ограниченная результативность санкций, влияние политических факторов на принимаемые решения и недостаточная прозрачность процедур, что усиливает разрыв между замыслами санкционных мер и их фактическим воздействием. В качестве возможных решений предложено расширить открытость процедур, усилить мониторинг и адаптировать санкционные инструменты к новым международным угрозам.

Ключевые слова: санкции ООН, суверенитет, коллективная безопасность, международное право, politicизация санкций, правовые противоречия, Совет Безопасности, легитимность.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

UN SANCTIONS MECHANISMS AND THEIR IMPACT ON THE SOVEREIGNTY OF STATES:
LEGAL AND POLITICAL CONTRADICTIONS

Dmitry V. Ozimok

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Abstract. The article is devoted to the consideration of the UN sanctions mechanisms and the legal and political difficulties associated with them, arising from their impact on the sovereignty of states and the gradual blurring of the differences between multilateral and unilateral measures. It is noted that the increasing complexity of the sanctions practice, its noticeable politicization and the discrepancy between the formulated goals and the actual results make the study of this topic still in demand. The work uses official documents and UN sanctions lists, Security Council resolutions, reports from monitoring groups, as well as data from comparative and institutional analysis. The author reviewed the legal and political aspects of the application of UN sanctions, their impact on the sovereignty of states and the actual practice of sanctions regimes. The analysis showed that among the most noticeable problems are the limited effectiveness of sanctions, the influence of political factors on decisions made and insufficient transparency of procedures, which increases the gap between the intentions of sanctions measures and their actual impact. As possible solutions, it is proposed to expand the openness of procedures, strengthen monitoring and adapt sanctions tools to new international threats.

Keywords: UN sanctions, sovereignty, collective security, international law, politicization of sanctions, legal contradictions, Security Council, legitimacy.

Funding: Independent work.

Введение.

Санкции ООН рассматриваются как один из основных инструментов коллективной безопасности. Они закреплены в главе VII Устава и позволяют Совету Безопасности применять меры воздействия без использования вооружённой силы.

За последние десятилетия сама система санкций заметно изменилась: вместо широких экономических блокад всё чаще вводятся точечные, адресные ограничения, что фактически сформировало новую

санкционную политику и усложнило её структуру. Параллельно всё труднее проводить чёткую границу между многосторонними санкциями ООН и односторонними мерами отдельных государств, из-за чего возрастаёт напряжение вокруг принципов суверенного равенства и невмешательства. На этом фоне особый интерес представляет вопрос о том, как полномочия Совета Безопасности пересекаются с политическими интересами постоянных членов и как параллельное применение односторонних рестрикций влияет на восприятие легитимности санкций [1].

Учитывая это, рассмотрение выводов современных исследователей даёт возможность понять, какие элементы суверенитета оказываются под воздействием санкций.

Так, С. А. Виноградова [2] рассматривает санкции прежде всего, как инструмент международно-правового воздействия, который ограничивает экономическую свободу государств, что задаёт отправную точку для дальнейшей дискуссии.

Н. В. Мишина и П. И. Чувахин [3] развивают эту линию, подчёркивая, что односторонние меры, вводимые без чётких юридических критериев, усиливают разрыв между нормами международного права и политическими интересами государств-инициаторов.

Е. С. Родионова [4] акцентирует внимание на различии между санкциями ООН и односторонними рестрикциями, отмечая, что последние обладают меньшей легитимностью и могут подрывать принцип суверенного равенства.

Похожую проблему поднимает А. А. Победин [5], указывая, что санкции нередко затрагивают внутренние дела государств и потому имеют двойственный характер: инструмент давления и одновременно средство поддержания безопасности.

В. А. Оганесян [6] добавляет к этому отсутствие единобразного регулирования, что создаёт правовую неопределенность и способствует политизации санкционной практики. В совокупности эти оценки показывают, что санкции формируют сложный узел правовых и политических противоречий, влияющих на реальный объём государственного суверенитета.

В связи с этим, важно отметить, что после 2021 г. санкционная практика стала заметно сложнее: экономические и финансовые ограничения превратились в один из основных инструментов внешнеполитического давления и реагирования на кризисы, затрагивая всё больше государств и отраслей.

Одновременное действие санкций ООН и односторонних мер, прежде всего со стороны ЕС, приводит к фрагментации правового пространства и ставит государства-адресаты перед противоречивыми обязательствами.

Нечёткие процедуры введения и отмены санкций, размытые критерии соразмерности и ограниченные гуманитарные исключения усиливают риск нарушений прав человека и влияют на социально-экономическую устойчивость. Одновременно санкции заметно меняют финансовые, технологические и торговые связи, влияя не только на формальный, но и на реальный суверенитет государств. Всё это делает изучение санкционных механизмов ООН и связанных с ними правовых и политических противоречий особенно актуальным.

Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы рассмотреть, какие правовые и политические противоречия формируются вокруг санкционных механизмов ООН и как они отражаются на суверенитете государств.

Материалы и методы.

Материалом исследования послужили официальные документы и нормативные акты ООН, прежде всего, резолюции Совета Безопасности, материалы санкционных комитетов, сводные перечни и отчёты мониторинговых групп, а также данные международных и региональных структур, участвующих в выполнении санкционных решений.

Дополнительную основу для анализа составили статистические данные по отдельным санкционным режимам, обновления раздела List Updates, а также работы современных исследователей, опубликованные в библиотеке CyberLeninka за последние четыре года. Это позволило опереться не только на нормативную базу, но и на актуальные научные оценки санкционной практики.

Использованные методы включали формально-юридический и сравнительно-правовой подходы, а также институциональный анализ и элементы контент-анализа, что дало возможность выявить специфику функционирования санкционных механизмов, их проблемные стороны и реальную эффективность.

Обсуждение. Результаты.

В международном праве санкции рассматриваются как один из инструментов коллективной безопасности, предусмотренный Уставом ООН.

Совет Безопасности вправе применять меры в ситуации угрозы миру или нарушения мира, и такие решения обязательны для всех государств-членов.

Санкции, вводимые на основании статьи 41, охватывают экономические, торговые и ряд иных ограничений, не связанных с применением силы. Они используются не как наказание, а как часть комплексной стратегии по предотвращению эскалации насилия и поддержанию международной стабильности, дополняя дипломатические и миротворческие усилия.

Официальные документы ООН подчёркивают, что государства обязаны выполнять соответствующие резолюции Совета Безопасности в интересах обеспечения мира [7].

В этой связи, важно учитывать, что правовые рамки применения санкций опираются на принципы международного права, включая суверенное равенство государств, невмешательство и соблюдение прав человека.

Хотя Устав ООН допускает применение экономических и финансовых мер для поддержания мира, такие меры должны оставаться соразмерными и правомерными.

Санкции предполагают создание условий для прекращения угрозы, а не карательный характер, поэтому их применение требует учёта международно-правовых ограничений. Именно соблюдение этих принципов определяет легитимность санкций и их соответствие цели поддержания международного мира и безопасности.

Вместе с тем, политико-правовая природа санкционных механизмов ООН проявляется в том, что решения о введении, продлении или корректировке

санкций принимаются коллективно, при участии постоянных и непостоянных членов Совета Безопасности, и поэтому неизбежно отражают политические интересы государств-членов.

В 2024–2025 гг. Совет Безопасности продлил ряд целевых санкционных режимов, включая меры против структур ISIL (Da'esh) и Al-Qaida, подтвердив гуманитарные исключения (резолюция 2761 (2024)), а также обновил санкционные мандаты по Гаити и отдельным региональным ситуациям, что демонстрирует сочетание функций коллективного реагирования с политической оценкой угроз [8].

На этом фоне особое значение приобретает взаимодействие с международными и региональными организациями, которые играют ключевую роль в практическом внедрении решений СБ на своих уровнях.

В соответствии с главой VIII Устава, ООН использует потенциал региональных механизмов для поддержания мира и принуждения, что позволяет учитывать специфику отдельных регионов.

Европейский союз прямо указывает на то, что его санкционная политика строится как на выполнении резолюций Совета Безопасности, так и на целях общей внешней и безопасности политики ЕС, причём значительная часть его санкционных режимов основана именно на решениях ООН [9].

Таблица 1 - Правовые и политические противоречия санкционной системы ООН.

Элемент противоречия	Содержание
Легитимность санкций ООН	Санкции Совбеза считаются допустимой формой коллективной безопасности при условии соблюдения принципов законности, пропорциональности и гуманитарных исключений.
Критика односторонних мер	Генассамблея и СПЧ подчёркивают, что односторонние и экстерриториальные санкции нарушают принципы Устава, суверенное равенство и права человека.
Гуманитарные последствия санкций	Ограничение доступа к лекарствам, технологиям и финансированию ставит под сомнение соразмерность мер и их соответствие гуманитарным стандартам.
Политизация санкционной практики	Решения о санкциях подвержены влиянию политических позиций государств-членов, особенно постоянных членов СБ, что снижает доверие к санкционным режимам.
Коллизия суверенитета и коллективной безопасности	Санкции ограничивают элементы суверенитета, но одновременно необходимы для предотвращения угроз миру; противоречие становится центральным вопросом современного международного права.

Несоответствие между заявленными целями санкций ООН и фактическими результатами проявляется достаточно отчётливо: даже при том, что санкции направлены на предотвращение конфликтов, пресечение финансирования вооружённых групп и стимулирование мирных процессов, их влияние нередко оказывается ограниченным.

В материалах Совета Безопасности подчёркивается, что санкции не работают изолированно и требуют параллельных дипломатических, политических и гуманитарных усилий, иначе они почти не меняют поведение адресатов и не приводят к устойчивому урегулированию.

На этом фоне воздействие санкционных механизмов ООН на суверенитет государств проявляется более отчётливо, поскольку решения Совета Безопасности, принимаемые в рамках главы VII Устава, обязательны для всех государств-членов и ограничивают их свободу в сфере внешнеэкономической, финансовой и ресурсной политики.

В официальных документах ООН подчёркивается, что меры экономического давления должны соответствовать принципам суверенного равенства, невмешательства и соблюдения прав человека, что объясняет критику односторонних и экстерриториальных санкций как несоответствующих требованиям Устава [7].

Санкции же Совета Безопасности рассматриваются как правомерный инструмент при условии соблюдения принципов законности, пропорциональности и наличия гуманитарных исключений.

В итоге, санкции ООН действительно ограничивают отдельные элементы внешнего суверенитета государств-адресатов, но сохраняют легитимность лишь при строгом следовании международно-правовым нормам, призванным предотвращать их политизированное применение. Правовые и политические противоречия санкционной системы представлены в таблице (табл. 1).

Дополнительный материал для оценки даёт санкционный список по режиму ИГИЛ/«Аль-Каиды», основные параметры которого приведены на рисунке (рис. 1) и хорошо показывают, как значительный объём ограничений сочетается с крайне скромными политическими результатами.

Мониторинговые группы по ряду режимов (Йемен, Сомали, Ливия, ИГИЛ/Аль-Каида) (табл. 2) [10] регулярно подчёркивают, что, хотя отдельные каналы финансирования действительно перекрываются, без широкой международной поддержки и работающего мирного процесса эти меры не дают существенного эффекта. В итоге разрыв между целями резолюций и реальной динамикой конфликтов становится

устойчивой проблемой и формирует одно из ключевых политico-правовых противоречий санкционной системы ООН.

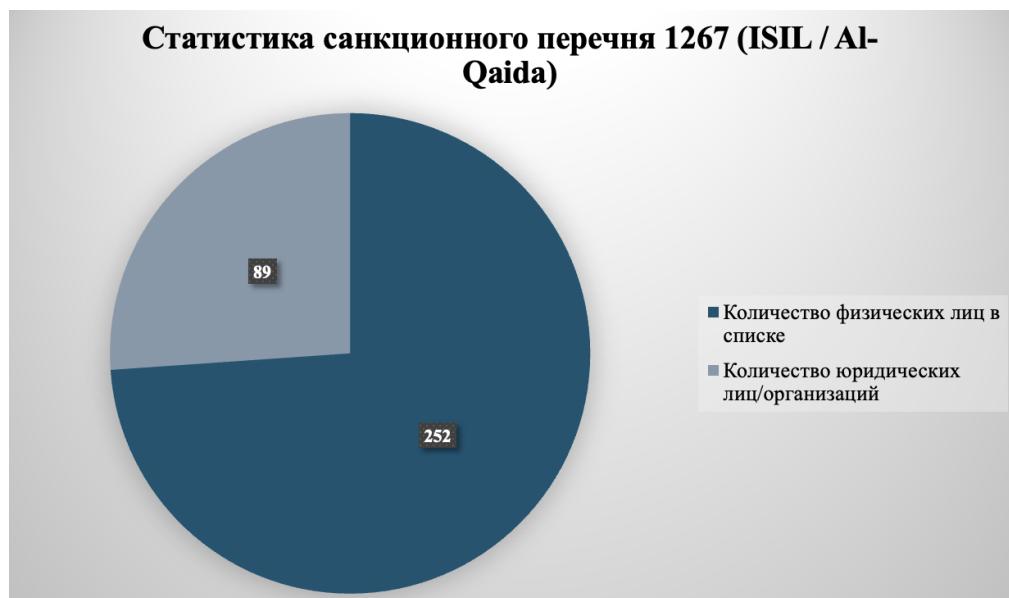

Рисунок 1 - Статистика санкционного перечня 1267 (ISIL / Al-Qaida).

Таблица 2 - Правовые и политические разрывы между целями и результатами санкций ООН.

Санкционный режим ООН	Заявленные цели санкций	Фактические результаты (по официальным отчётам ООН)
Йемен (SC Res. 2140, 2216; действует по 2024–2025 гг.)	Сдерживание угроз миру, прекращение поставок оружия, давление на стороны конфликта для политического диалога	Ограничение поставок оружия частично соблюдается, но вооружённые группировки продолжают получать ресурсы; политического урегулирования санкции сами по себе не обеспечили
Сомали (SC Res. 2662 (2022) и последующие)	Прекращение финансирования «Аш-Шабаб», контроль торговли углём, стабилизация безопасности	Каналы финансирования сокращены, но группировка по-прежнему активна; стабильность не достигнута без военной и политической поддержки
Ливия (SC Res. 1970, 1973 и последующие до 2024 г.)	Прекращение поставок оружия, поддержка политического процесса, защита гражданского населения	Эмбарго на оружие массово нарушается; политическое урегулирование остаётся нестабильным, влияние санкций ограничено
ISIL/Al-Qaida (SC Res. 1267/1989/2253)	Пресечение глобальных финансовых потоков терроризма	Существенно ограничено финансирование через банки, однако используется криптовалюта и нелегальные каналы; террористическая активность сохраняется
Северная Корея (SC Res. 2397 и др.)	Прекращение ядерной программы и баллистических испытаний	Несмотря на жёсткие санкции, испытания продолжаются; санкции не привели к стратегическим изменениям политики

В то же время, проблема недостаточной прозрачности в работе санкционных комитетов ООН проявляется, прежде всего, в том, что процедуры включения и исключения из санкционных списков остаются недостаточно понятными, а сами основания для листинга зачастую недоступны или изложены крайне кратко. Это осложняет возможность обжалования и вызывает сомнения в справедливости принятия решений.

В резолюциях Генеральной Ассамблеи и Совета по правам человека прямо указывается на то, что подобные процедурные пробелы подрывают доверие к санкционным мерам и создают риск произвольного ограничения прав человека, что делает принцип ненадлежащей правовой процедуры обязательным условием легитимности санкционной системы [11].

На необходимость повышения предсказуемости и прозрачности процедур регулярно обращает внимание и Специальный докладчик по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер,

отмечая важность доступа к информации и регулярной проверки обоснованности включения в санкционные списки.

Однако проблемы санкционной системы этим не исчерпываются, поскольку санкционные комитеты сталкиваются и с более глубокими институциональными трудностями, связанными с неравномерностью процессуальных гарантит и заметной политизацией отдельных решений. Резолюция S/RES/2744 (2024) действительно расширила полномочия Focal Point for Delisting, однако, сама система по-прежнему остаётся фрагментированной: полноценный механизм Омбудсмена действует только в режиме ИГИЛ/ «Аль-Каиды», тогда как для остальных санкционных режимов аналогичных процедур нет. Это приводит к разному уровню защиты прав лиц, включённых в списки.

Ещё одним проявлением дисфункции стало вето на продление мандата панели экспертов по КНДР в 2024 г., из-за чего комитет фактически лишился основного инструмента независимого мониторинга.

Всё это показывает, что даже при отдельных реформах санкционные комитеты остаются уязвимыми к недостатку прозрачности и политическому влиянию, что только усиливает правовые и политические противоречия всей санкционной системы ООН и отражается на сфере государственного суверенитета.

Это подтверждается официальными данными Совета Безопасности, согласно которым сводный санкционный перечень ООН охватывает весьма широкий круг субъектов — 726 физических лиц и 273 организации, при этом в ряде позиций указана пометка «д/о» (данные отсутствуют). Это не только осложняет идентификацию, но и указывает на неполноту сведений, что само по себе является признаком недостаточной прозрачности.

Аналогичные проблемы просматриваются и в отдельных санкционных режимах: например, в перечне по режиму 1718 (КНДР) числится 80 физических лиц и 75 организаций (данные на 17.09.2024), а в списке 1267 (ИСИЛ/«Аль-Каида») — 254 физических лица и 89 организаций (по состоянию на 16.06.2025) (табл. 3; рис. 2) [12]. При этом основания включения и даты обновления представлены неравномерно, что затрудняет оценку актуальности данных.

Дополнительным подтверждением фрагментарности служит раздел «List Updates»: только за 2025 год опубликовано более 40 обновлений, каждое из которых затрагивает по 1–3 субъектам без пояснения мотивов или критериев изменений, что подчёркивает ограниченную транспарентность работы санкционных комитетов [13].

Таблица 3 - Показатели прозрачности санкционной системы ООН.

Показатель	Статистика / Факт
Количество записей в сводном санкционном перечне	Много режимов, в отдельных полях указано «д/о» — данные отсутствуют, что усложняет идентификацию
Изменения в сводном списке (2025)	Десятки записей, обновления фиксируются без унифицированных процедурных пояснений
1718 (Северная Корея)	80 лиц + 75 организаций (данные на 17.09.2024)
1267 (ИГИЛ/Аль-Каида)	254 лица + 89 организаций (данные на 16.06.2025)
Количество санкционных комитетов	Несколько специализированных комитетов, каждый с собственными процедурами

Рисунок 2 – Прозрачность и объём санкционных списков ООН.

Таким образом, перспективы реформирования санкционных механизмов ООН в значительной сте-

пени связаны с тем, что сам Совет Безопасности признаёт необходимость сделать санкционную практику более прозрачной, предсказуемой и процедурно понятной. Речь идёт не только о совершенствовании процедур включения и исключения из санкционных списков, но и о более тесном взаимодействии с государствами-членами, а также о встраивании санкций в общую стратегию поддержания международного мира.

Среди направлений, которые уже сейчас обсуждаются или реализуются, — расширение гуманистических исключений, усиление роли Focal Point for Delisting и обновление подходов к работе мониторинговых групп. Предполагается, что это поможет снизить риск произвольных решений и сделает применение санкций более соответствующим международно-правовым требованиям. Кроме того, подчёркивается, что санкционные режимы должны учитывать новые типы угроз — от международного терроризма до транснациональной преступности и финансирования вооружённых групп, — а значит, механизмы контроля должны становиться быстрее и технологичнее.

В итоге, предполагаемые изменения направлены на то, чтобы повысить результативность санкций и укрепить их легитимность как инструмента коллективной безопасности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Список источников:

1. Алаамери А. Х. Понятие и содержание международно-правовых санкций // Международный научный вестник. 2024. № 8. С. 19-22
2. Виноградова С. А. Влияние экономических санкций на правовой суверенитет // Право и управление. 2023. № 3. С. 66-71. doi:10.24412/2224-9133-2023-3-66-71
3. Мишина Н. В., Чувахин П. И. Международно-правовые основы применения односторонних мер экономического воздействия // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 185-191
4. Родионова Е. С. Экономико-правовая природа санкций: степень их легальности и эффективности с точки зрения международного права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 4 (18). С. 24-34. doi:10.22394/2686-7834-2023-4-24-34
5. Победин А. А., Федулов Д. В. Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации // Вопросы управления. 2023. № 4 (83). С. 20-32
6. Оганесян В. А. Актуальные проблемы международного права в контексте изменяющегося мирового порядка // European and Asian Law Review. 2023. № 3. С. 29-50. doi:10.34076/27821668_2023_6_3_29
7. United Nations Security Council. Sanctions — Information. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (дата обращения: 24.12.2025).
8. United Nations Security Council. ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions Committee — Resolutions. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/resolutions> (дата обращения: 24.12.2025).
9. European Commission. EU Sanctions — Overview and Related Resources. URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/overview-sanctions-and-related-resources_en (дата обращения: 24.12.2025).
10. United Nations Security Council. ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions List. URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/ag_sanctions_list (дата обращения: 24.12.2025).
11. Office of the High Commissioner for Human Rights. Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures. URL: <https://cglj.org/human-rights-oversight/united-nations/human-rights-council/special-procedures/special-rapporteur-on-the-negative-impact-of-unilateral-coercive-measures-on-the-enjoyment-of-human-rights> (дата обращения: 24.12.2025).
12. United Nations Security Council. DPRK Sanctions Committee (1718) — Materials. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1718/materials> (дата обращения: 24.12.2025).
13. United Nations Security Council. UN Consolidated Sanctions List. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/un-sc-consolidated-list> (дата обращения: 24.12.2025).

Заключение.

Проведённый анализ показывает, что санкционные механизмы ООН занимают двойственное положение: они остаются легитимным инструментом коллективной безопасности, основанным на главе VII Устава, но одновременно сопровождаются серьёзными правовыми и политическими противоречиями.

Обязательный характер решений Совета Безопасности ограничивает отдельные элементы внешнего суверенитета государств и требует строгого соблюдения принципов законности, пропорциональности и гуманистических исключений. На практике же санкции нередко достигают лишь частичных результатов и не могут обеспечить устойчивое урегулирование без параллельных дипломатических и политических усилий.

Дополнительные проблемы создают политизация решений и непрозрачность процедур санкционных комитетов. Всё это указывает на необходимость реформирования санкционной системы ООН — повышения прозрачности листинга и делистинга, укрепления мониторинга и адаптации санкций к современным угрозам, что позволит повысить их эффективность и легитимность.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

-
14. UN Press. Security Council — Press Release SC/15401. URL: <https://press.un.org/en/2023/sc15401.doc.htm> (дата обращения: 24.12.2025).

References:

1. Alameri A. H. *the concept and content of international legal sanctions* // International Scientific Bulletin. 2024. No. 8. pp. 19-22
2. Vinogradova S. A. *the impact of economic sanctions on legal sovereignty* // Law and management. 2023. No. 3. pp. 66-71. doi:10.24412/2224-9133-2023-3-66-71
3. Mishina N. V., Chuvakhin P. I. *International legal bases for the application of unilateral economic impact measures* // Legal science. 2023. No. 6. pp. 185-191
4. Rodionova E. S. *The economic and legal nature of sanctions: the degree of their legality and effectiveness from the point of view of international law* // Theoretical and applied Jurisprudence. 2023. No. 4 (18). pp. 24-34. doi:10.22394/2686-7834-2023-4-24-34
5. Pobedin A. A., Fedulov D. V. *International economic sanctions: structure and implementation scenarios* // Management issues. 2023. No. 4 (83). pp. 20-32
6. Oganesyan V. A. *Actual problems of international law in the context of the changing world order* // European and Asian Law Review. 2023. No. 3. pp. 29-50. doi:10.34076/27821668_2023_6_3_29
7. United Nations Security Council. *Sanctions — Information*. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (date of access: 12/24/2025).
8. United Nations Security Council. *ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions Committee — Resolutions*. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/resolutions> (date of request: 12/24/2025).
9. European Commission. *EU Sanctions — Overview and Related Resources*. URL: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/overview-sanctions-and-related-resources_en (date of request: 12/24/2025).
10. United Nations Security Council. *ISIL (Da'esh) and Al-Qaida Sanctions List*. URL: https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1267/aq_sanctions_list (accessed: 12/24/2025).
11. Office of the High Commissioner for Human Rights. *Special Rapporteur on the Negative Impact of Unilateral Coercive Measures*. URL: <https://cglj.org/human-rights-oversight/united-nations/human-rights-council/special-procedures/special-rapporteur-on-the-negative-impact-of-unilateral-coercive-measures-on-the-enjoyment-of-human-rights> (date of request: 12/24/2025).
12. United Nations Security Council. *DPK Sanctions Committee (1718) — Materials*. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/en/sanctions/1718/materials> (date of access: 12/24/2025).
13. United Nations Security Council. *UN Consolidated Sanctions List*. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/un-sc-consolidated-list> (date of access: 12/24/2025).
14. UN Press. Security Council — Press Release SC/15401. URL: <https://press.un.org/en/2023/sc15401.doc.htm> (date of request: 12/24/2025).

Информация об авторе:

Озимок Дмитрий Викторович, аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, E-mail:

ozimokdv@gmail.com

Dmitry V. Ozimok, Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 27.12.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.01.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.